

¹ Гусейнов Ю.М., ² Идрисов Ю.М.

Ю.М. Гусейнов

Ю.М. Идрисов

¹ Дагестанский государственный университет народного хозяйства² Исторический парк «Россия – моя история»¹ 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева, 5² 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Шамиля, 31г¹ g.usup@mail.ru, ² markes06@mail.ru

Кумыкское духовенство в Кавказскую войну: между империей и имаматом

Аннотация. Статья посвящена участию кумыкского духовенства в событиях Кавказской войны. Последнее явление разбирается на примере конкретных судеб и взглядов конкретных сторонников и противников мюридизма. В статье разбирается деятельность, богословское и творческое наследие сподвижников имама Шамиля Ташав-Хаджи, Идриса и Салиха Эндиреевских, а также их идеологических противников Мамагиши Ольмесова и Юсуфа Клычева. Первые играли заметную роль в имамате Шамиля, занимали должности его наибов и кадиев. Их противники сделали выбор в пользу активной поддержки Российской империи. У каждой из сторон при этом были свои аргументы в пользу собственного выбора, что обусловило активную письменную полемику между ними. Исследуются и судьбы других – их менее известных современников, переселившихся во владения Шамиля – мухаджиров и выбравших российскую службу. Как установлено авторами статьи, в период Кавказской войны кумыкское духовенство активно участвовало в политических процессах не только в Дагестане, но и на территории Чечни, Ингушетии, Карачая, Черкессии и Османской империи. Авторами отмечена подвижность взглядов некоторых из них и политический нейтралитет большинства. По мнению авторов – большинство представителей духовенства испытывало симпатии к мюридистскому учению, но, не желая подвергаться репрессиям и рисковать благополучием своих близких, предпочло проявление внешней лояльности официальным властям.

Ключевые слова: Кавказская война, духовенство, шариат, имамат, шейх, Ташав-хаджи, Идрис-эфенди, Юсуф-кади

¹ Yusup M. Huseynov, ² Yusup M. Idrisov¹ Dagestan State University of National Economy; ² Historical Park “Russia is My History” in Makhachkala;¹ 5 Ataeva str., Makhachkala, 367000, Russia; ² 31g Shamil str., Makhachkala, 367000, Russia¹ g.usup@mail.ru, ² markes06@mail.ru

The Kumyk Clergy in the Caucasian War: Between the Empire and the Imamate

Abstract. The article studies the participation of the Kumyk clergy in the events of the Caucasian War. The latter phenomenon is analyzed by the example of specific destinies and views of specific supporters and opponents of Muridism. The article examines the activities, theological and creative heritage of the companions of Imam Shamil Tashav-Haji, Idris and Salih Endireevsky, as well as their ideological opponents Mamagishi Olmesov and Yusuf Klychev. The firsts ones played a noticeable role in Shamil's imamate, occupied the posts of his naibs and kadiys. Their opponents chose to actively support the Russian Empire. At the same time, each of the parties had their own arguments in favor of their own choice, which led to an active written polemic between them. The article also investigates the fates of their less well-known contemporaries – muhajirs, who moved to the possessions of Shamil and chose the Russian service. As established by the authors of the article, during the Caucasian War, the kumyk clergy actively participated in political processes not only in Dagestan, but also on the territory of Chechnya, Ingushetia, Karachay, Circassia, and the Ottoman Empire. The authors noted the mobility of the views of some of them and the political neutrality of the majority. According to the authors, most of the clergy felt sympathy for the muridist doctrine, but, not wanting to be

subjected to repression and expose their loved ones to them, they preferred to show external loyalty to the official authorities.

Key words: Caucasian war, clergy, sharia, imamate, sheikh, Tashav-Haji, Idris-effendi, Yusuf-Qadi

Кумыки – самый многочисленный тюркский народ Северного Кавказа. Общая численность кумыков, согласно переписи 2010 г., превышала 503 тысячи человек. Основная часть кумыков проживает в равнинно-предгорной части Республики Дагестан. Кроме того, кумыки являются представителями коренного населения Республик Чечня и Северная Осетия-Алания. Кумыки традиционно исповедуют ислам суннитского толка.

К началу XIX в. духовенство у кумыков представляло социальную группу с двойственной природой. С одной стороны, в отличие от аристократии, оно было открыто для принятия в свои ряды лиц незнатного происхождения и даже представителей зависимых сословий. С другой стороны, было очевидно его привилегированное положение, особенно это касалось верхушки – шейх-уль-ислама Тарковского шамхальства и сельских кадиев [Гаджиева, 2000, 172; Гусейнов, 2020, 19]. В Засулакской Кумыкии, по мнению Х.-М.О. Хашаева, духовенство подчинялось биям-князьям. Он также отмечает наличие в этом регионе двух духовных санов кадия и муллы. Кадии получали в год с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и со ста баранов одного барана. Отметим, что кадийские должности нередко передавались по наследству [Хашаев, 1961, 200]. Духовенство, согласно нормам шариата, распоряжалось собственностью и доходами мечетей. Таким образом, социальное положение духовенства было достаточно прочным и престижным.

Кавказская война была самым значительным и трагическим событием в истории народов Северного Кавказа. В XIX веке война явилась серьёзным религиозно-политическим вызовом для кумыкского и шире – дагестанского духовенства. Перед духовенством встал выбор – сохранить привычный мирный размеренный образ жизни или примкнуть к вооружённой борьбе – газавату? Каждый мусульманский богослов искал и находил собственный ответ на данный вызов.

Шариатский шейх Абдурахман сын Хаджи-Мухаммада из Какашуры (ум. 1841 г.), известный специалист в мусульманском наследственном праве, помимо прочего оставил многочисленные стихотворные элегии и наставления – назму, связанные с событиями Кавказской войны в которых отмечает: «Погибли алимы, книги их сожжены, мусульмане в горе...», «Мусульманин мусульманину строит козни, вместо друга видит в нём врага». Одной из главных причин несчастий своего народа шейх считал отказ аристократии от интересов собственного народа: «Всем бекам царь жалование назначил, ...Продавшись богатству, унизили они Ислам. Оттого и плачу горько, что разбили сердце нам». Поддержав деятельность первого имама Гази-Мухаммада, он осудил расправу над семьёй аварских ханов, учинённую вторым имамом Гамзат-беком [Акамов, 2012, 76].

Несомненно, самым крупным и известным религиозным авторитетом из числа кумыков в период Кавказской войны являлся шейх накшбандийского тариката Ташев-Хаджи из Эндирея. Он, подобно своему товарищу, – первому имаму Дагестана и Чечни Гази-Мухаммаду, обучался последовательно у Саида Араканского и Мухаммада Ярагского. Однако в отличие от Гази-Мухаммада и Шамиля, он не остановился на степени шариатского шейха и получил от Мухаммада Ярагского право наставничества накшбандийскому тарикату. В 1820-е гг. он некоторое время работал муллой в одной из эндиреевских мечетей, пропагандируя здесь суфийское учение [Ханмурзаев, 2011, 682].

В 1831 г. Ташав-Хаджи примкнул к имаму Гази-Мухаммаду, прибывшему в Эндирей с войском для осады, расположенной близ села русской крепости «Внезапной». Шейх из Эндирея нашёл своё новое пристанище в Чечне. Не придававшие вначале существенного значения деятельности второго имама Гамзат-бека, в середине 1834 г. «русские отнесли к имаму как к возрастающей

угрозе, особенно после того, как к нему примкнул и признал верховенство имама индирийский кумык Хаджи-Ташо, видный военачальник у чеченцев» [Гаммер, 1998, 101].

В сентябре 1834 г., после гибели Гамзат-бека, Ташав-Хаджи наряду с Шамилем стал одним из кандидатов на должность имама. Штабс-капитан Пружановский в одной из своих записок сообщает: «Мюршида муллы Магомета (Мухаммада Ярагского – Ю.И., Ю.Г.) уже не было на свете, некому было назначить преемника Гамзату, а поэтому многие желали место имама. Но выше всех стояли два соперника: Шамиль и Ташев-хаджи. Вначале перевес сил на стороне последнего; большая часть из повиновавшихся Кази Мулле и Гамзату... приняла его сторону; при Шамиле осталось небольшое число приверженцев» [Ханмурзаев, 2012, 105]. Говорил в пользу эндиреевца и факт совершения им паломничества в Мекку. В отличие от других суфийских шейхов, он принимал личное участие в боевых действиях [Ханмурзаев, 2016, 21]. Видимо, в этом причина особого его авторитета среди ратных сподвижников первых двух имамов. Однако их голоса перевесил голос шейха Джамалутдина Казикумухского, сменившего Мухаммада Ярагского в роли духовного вождя мюридизма. Джамалутдин поддержал кандидатуру Шамиля [Ханмурзаев, 2012, 106].

Однако на протяжении 1834–1839 гг. Ташав-Хаджи, контролировавший значительную часть восточной Чечни, не уступал Шамилю в силе и влиянии. Ситуация изменилась после падения крепости Ахульго в 1839 г. и последующего переноса ставки Шамиля в Чечню. Здесь последний был «ласково принят» Ташавом, но со временем, поставив наибами в Чечне своих ставленников, локализовал его влияние среди чеченцев и оттеснил последнего на должность наиба Малой Чечни, а затем наиба прифронтового Ауха [Ханмурзаев, 2012, 144–145].

По данным исследователя наследия Ташава-Хаджи Исмаила Ханмурзаева, он скончался около 1845 г. и был захоронен в с. Саясан (ныне Ножаюртовский район ЧР). Его могила является местом посещения (зийарат) мюридов накбандийского тариката.

Дагестанский арабист позднесоветского периода Мансур Гайдарбеков в своей неизданной антологии арабоязычной поэзии Дагестана приводит цитату из неназванного им источника: «Хочется сказать, что Ташав-Хаджи Эндиреевский, Идрис-Эфенди Эндиреевский и Шангерей Кафыр-Кумухский были львами равнинного Дагестана» [Идрисов, 2007, 10].

Упомянутый в цитате Идрис-Эфенди сын Молла-Мустафы был земляком Ташава-Хаджи и вслед за ним некоторое время являлся ауховским наибом. Али Каяев писал о нём так: «Идрис Эфенди был один из самых боевых наивов Шамиля, участвовал в самых жарких сражениях и был награждён всеми знаками отличия» [Ханмурзаев, 2008, 223].

Кроме того, Идрис-Эфенди оставил после себя работы «Тухфат ал-абрар» и «Баварик ал-Хавариф». Последнее сочинение является касыдой (одой), направленной против земляка Идриса-Эфенди Мамагиши-Кади Ольмесова, известного своей поэмой «Нанизанные жемчужины о гнусностях известных возмутителей», состоящей из инвектив в адрес Гази-Мухаммада и Шамиля. Большое внимание Идрис-Эфенди уделял вопросам шариата и фикха. Он составил конспект из трудов знаменитого арабского учёного Салиха ал-Йамани (умер в 1697 г.) – учителя известных дагестанских богословов Мухаммада Кудутлинского и Мухуммада Убринского. Впав во второй половине 1850-х гг. в немилость у Шамиля, Идрис-Эфенди вернулся в родное село и более не участвовал в политической жизни [Гайдарбеков, Л. 269].

Крупным религиозным деятелем был и старший брат Идриса – Салих, прозванный «Насир ад-дином», то есть помощником религии. Салих также переселился на территорию имамата и будучи знатоком шариата выполнял там судебные функции. В письме, адресованном наибом Хази джамаатам сёл Акташ Аух и Юрт Аух, упоминается о том, что муфтием и кадием этих сёл назначается эмигрант (мухаджир) Салих [Ханмурзаев, 2010, 29].

Видным сторонником газавата являлся мусульманский учёный Мухаммад-Хаджи Аксаевский, направленный Шамилем в мае 1842 года в Черкессию для

организации борьбы местных народов против Российской империи. Мухаммад-Хаджи избегал открытых столкновений с царскими войсками, участвовал в съездах представителей адыгских племен и активно проповедовал идею замещения адата нормами шариата. Он стремился к объединению адыгов перед лицом российской экспансии, однако встречал противодействие в лице знатных представителей черкесов. Исследователи отмечают, что Мухаммад-Хаджи в своих начинаниях был слишком прямолинеен и не всегда учитывал реалии жизни закубанских адыгов. В мае 1844 года Мухаммад-Хаджи в бою с русскими войсками погиб [Джамбулатов, Ибрагимов, 2018, 24].

Среди противников российских властей известен также один из проповедников ислама в Ингушетии, аксаевский кумык Башир Ашимов. О нём известно, что он обучал в с. Гамурзиево ингушских детей арабской грамоте и азам богословия. Среди его учеников был будущий ингушский шейх Индерби Актолиев. В июне-июле 1858 г. Башир Ашимов принимал участие в Назрановском восстании и после его подавления как один из его вождей был повешен [Албогачиева, 2018, 179].

Ещё один уроженец Эндирея, Муртузали Алиев, исполнявший функции эфенди (кадия) Карачая, подозревался властями Терской области в участии в волнениях, имевших место в Карачае в 1850-е гг. [ЦГА РСО-А Л. 10,15, 16].

Выходец из крупного южнокумыкского селения Башлы Акай-кади Амирбеков, также известный в документах как Махмуд-Эфенди, будучи ещё сухой – учеником медресе, в начале 1850-х гг. был направлен Шамилем в Османскую империю и сумел вернуться оттуда в период Крымской войны. По сведениям Е.И. Козубского, «имел пронизательный ум и считался человеком влиятельным» [Козубский, 1903, 209]. Поддерживал отношения с Шамилем и после его пленения и сопровождал его во время паломничества в Мекку [Доного Х.М., 1995. 262]. В 1870-е гг. он вернулся на родину, стал одним из предводителей восстания в Кайтаге в 1877 г. и был убит при его подавлении [Оразаев, 2008, 57].

Мухаджиром – переселенцем на территорию имамата Шамиля – являлся и шейх Алхулав из кумыкского селения Эрпели [Абдурахман из Газикумуха, 1997, 95].

Порой местные владельцы использовали страх русской администрации перед распространением мюридизма в предгорьях и на Кумыкской равнине для борьбы с внутренней оппозицией, в первую очередь – среди духовенства крупных и сильных общин. В 1837 году кадий крупного кумыкского селения Карабудахкент Муртузали сын Болата стоял во главе восстания, изгнавшего наместника шамхала и восстановившего в селении Карабудахкент общинное самоуправление. Шамхал Абумуслим, убедив генерала М.З. Аргутинского-Долгорукого в связях Муртузали-кадия с движением Шамиля, добился отправки военного отряда для подавления этого антифеодального выступления. Муртузали и его сподвижники были высланы в Сибирь [Галимов, 2008, 59].

Говоря о сторонниках газавата среди кумыкских богословов, мы не можем не сказать и об их оппонентах. Упомянувшийся выше алим Мамагиши Ольмесов из Эндирея в течение более 20 лет, начиная с 1823 г., являлся кадием в родном селе. По словам арабиста М. Гайдарбекова, Мамагиши хорошо владел арабским языком, но ввиду его неумной личной неприязни к Гази-Мухаммаду и другим имамам, написанная им поэма о Кавказской войне «Нанизанные жемчужины о гнусностях известных возмутителей» представляла собой поток обвинений в их адрес. В целом Мамагиши был, по словам своих современников, человеком очень образованным, и можно предполагать, что не все его произведения к настоящему моменту обнаружены и получили известность [Гайдарбеков, 229, 230].

Более гибким и талантливим противником мюридизма, нежели Мамагиши Ольмесов, являлся Юсуф-кади Клычев (1795/96–1871) из Аксяя. Представитель знатного узденского рода Ю. Клычев сочетал духовную стезю со службой в царском конвое и работой в органах русской военной администрации. В отличие от Мамагиши, предметом его критики являлись не личности имамов, а система их взглядов, в которой он искал изъяны, способные дать ему инструмент идеологической полемики. В частности, он выступал против вооружённой борьбы с Российской империей, аргументируя свою позицию тем, что джихад слабых против сильных

врагов шариатом категорически запрещается, а также недопустимостью наличия двух имамов в Халифате. За владение (уникальное в Дагестане) системой арабского стихосложения, заслужил почётное прозвище «ал-Баяни» – «Красноречивый». Назир ад-Дургели писал, что Юсуф-кади «был редкостью своей эпохи, единственным в своём роде и в своё время» и пользовался уважением за свои познания в арабском языке и шариате даже среди противников [Назир ад-Дургели, 2012, 137].

Несмотря на то, что из числа кумыкского народа в период Кавказской войны выдвинулось немало ярких сторонников и противников мюридистского движения, значительная, возможно, большая его часть, сохраняя лояльность русским властям, старалась одновременно не проявлять и открытой враждебности приверженцам имамов. Так, не сохранилось известий о каком-либо участии в противостоянии двух политических направлений таких крупных религиозных деятелей, как кадии Умар и Хаджи из Тарков, кадий Абузар из Башлы, Акай сын Боята (автор сочинения «Манахидж ар-рашад») и Али-Арслан сын Бурагана из Эндирея, Сайфулла из Казанища, Гебек-кади и Будайчи из Алхадижкента и многих других. Зачастую они больше были погружены в повседневность джамаатов, просветительскую деятельность, мягкие попытки внедрить шариатские нормы вместо сохранявших большую популярность адатов [Гусейнов, 2012, 13].

Предания и нарративные источники свидетельствуют о том, что большинство даже лояльных властям духовных лиц испытывали личные симпатии к мюридизму, особенно, к имаму Шамилю – как к религиозному лидеру. Однако, не желая ставить под угрозу жизнь и свободу – свою и своих близких, – они предпочли сохранять внешнюю лояльность российской военной администрации. Позиция части из них проявилась в эмиграции в Османскую империю. Так Акай-Молла, отправившийся по религиозным причинам в Турцию, позднее написал стихи, в которых призывал земляков не повторять его ошибки, живописуя тяготы жизни на чужбине [Гаджиев, 1964, 13].

Вопреки всем имевшимся между ними противоречиями, сторонники и противники мюридизма и вооруженной борьбы во взаимоотношениях друг с другом соблюдали принципы мусульманской этики и за редким случаем воздерживались от взаимных оскорблений, предпочитая полемику по поводу шариатских принципов социально-политического устройства. Обращение к истории вопроса о данной полемике представляет актуальность в контексте религиозно-политических дискуссий в Дагестане на современном этапе.

Список сокращений

ГКУ ЦГА РСО – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

Библиографический список

1. Акамов, А.Т. Суфийские художественные традиции в кумыкской литературе и творчество Абдурахмана из Какашуры / А.Т. Акамов. – Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2003. – 159 с.
2. Албогачиева, М.-С.Г. Роль мусульманских лидеров в укреплении ислама в Ингушетии (XIX – первая треть XX в.) / М.-С.Г. Албогачиева // Кавказ: перекресток культур. Сборник статей. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 163–196.
3. Гаджиев, А.-Г.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана // А.-Г.С. Гаджиев. – Махачкала, 1964. – 228 с.
4. Гаджиева, С.Ш. Кумыки. Кн. I / С.Ш. Гаджиева. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2000. – 368 с.
5. Гайдарбеков, М. Идрис Эфенди из Эндирея / М. Гайдарбеков // Антология дагестанской поэзии на арабском языке // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.129 Л. 269.
6. Галимов, А.А. Очерки по истории Карабудахкента / А.А. Галимов. – Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. – 423 с.
7. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Гаммер М. Шамиль. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.

8. Гусейнов, Ю.М. Социальная структура кумыков в первой половине XIX вв.: правовой аспект / Ю.М. Гусейнов // Вопросы истории. – 2020. – № 1. – С. 228–233.
9. Гусейнов, Ю.М. Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. к.и. н./ Ю.М. Гусейнов. – Нальчик, 2012. – 26 с.
10. Джамбулатов, Р.Т. Кавказская война в лицах: Учар-Хаджи и сын его Мухаммад-Хаджи / Р.Т. Джамбулатов, А.Б. Ибрагимов // Кумыкский архив. – Махачкала, 2018. – С. 21–29.
11. Доного, Х.М. Имам Шамиль. Последний путь / Х.М. Доного. – Махачкала: Эпоха, 2016. – 311 с.
12. Идрисов, Ю.М. Вероучители эпохи Кавказской войны / Ю.М. Идрисов // Ёлдаш, 26.01.2007.
13. Козубский, Е.И. Статистический обзор Дагестанской области за 1903 г. / Е.И. Козубский. – Темир-Хан-Шура, 1903. – 516 с.
14. Назир ад-Дургели. Усила умов в биографиях дагестанских учёных / Назир ад-Дургели. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 213 с.
15. Оразаев, Г.М.-Р. Отражение событий 1877–1878 гг. в литературе и фольклоре кумыков / Г.М.-Р. Оразаев // Ахульго. – 2008. – № 8. – С. 54–58.
16. Ханмурзаев, И.И. Великий шейх Ташев-хаджи из Эндирея / И.И. Ханмурзаев // Исламоведение. – 2012. – № 1 (11). – С. 104–107.
17. Ханмурзаев, И.И. Межкультурный диалог на филологическом пространстве / И.И. Ханмурзаев // Материалы II Международной тюркологической научно-практической конференции. – Махачкала, 2008. – С. 219–224.
18. Ханмурзаев, И.И. Наиб Идрис Эфенди / И.И. Ханмурзаев // Ахульго. – 2010. – № 12. – С. 29–34.
19. Ханмурзаев, И.И. Ташав-хаджи аль-Индири в суфийских генеалогиях духовной преемственности XIX–XX вв. / И.И. Ханмурзаев // Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 20–27.
20. Ханмурзаев, И.И. Ташав-Хаджи: некоторые факты биографии // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития / И.И. Ханмурзаев // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН, 2011. – С. 682–685.
21. Хашаев, Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке / Х.-М.О. Хашаев. – М., 1961. – 263 с.
22. ЦГА РСО-А Ф. 12. Оп. 6. Д. 836. Л.

Текст поступил в редакцию 09.02.2022.

Принят к публикации 18.04.2022.

Опубликован 29.09.2022.

References

1. Akamov A.T. *Sufiyskiye khudozhestvennye traditsii v kumykskoy literature i tvorchestvo Abdurakhmana iz Kakashury* [Sufi Artistic Traditions in Kumyk Literature and the Work of Abdurakhman from Kakashura]. Makhachkala: Republican Newspaper and Magazine Printing house, 2003, 159 p. (in Russian).
2. Albogachieva M.-S.G. *Kavkaz: perekrestok kul'tur. Sbornik statey* [Caucasus: Crossroads of Cultures. Collection of Articles]. St. Petersburg, 2018, pp. 163–196 (in Russian).
3. Gadzhiev A.-G. *S. Rol' russkogo naroda v istoricheskikh sud'bach narodov Dagestana* [The Role of the Russian People in the Historical Destinies of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1964, 228 p. (in Russian).
4. Gadzhieva S.Sh. *Kumyki* [Kumyki]. Book I. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2000, 368 p. (in Russian).
5. Gaidarbekov M. RF IIAE DNC RAS [Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Fund 3. Inventory 1. File 129. Fol. 269 (in Russian).
6. Galimov A. *Ocherki po istorii Karabudakhkenta* [Essays on the history of Karabudakhkent]. Makhachkala: Republican Newspaper and Magazine Printing house, 2008, 423 p. (in Russian).
7. Gammer M. Shamil. *Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana* [Muslim Resistance to tsarism. The Conquest of Chechnya and Dagestan]. Moscow: KRON-PRESS, 1998, 512 p. (in Russian).
8. Huseynov Yu.M. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2020, no. 1, pp. 228–233 (in Russian).
9. Huseynov Yu.M. *Adat i shariat v semeynom i obshchestvennom bytu kumykov v XIX – nachale XX vv.* [Adat and Sharia in the Family and Social Life of the Kumyks in the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of Ph.D. Thesis in History. Nalchik, 2012, 26 p. (in Russian).
10. Djambulatov R.T., Ibragimov A.B. *Kumykskiy arkhiv* [Kumyk Archive]. Makhachkala, 2018, pp. 21–29 (in Russian).

11. Donogo H.M. *Imam Shamil'. Posledniy put'* [Imam Shamil. The Last Way]. Makhachkala: Epoch, 2016, 311 p. (in Russian).
12. Idrisov Yu.M. "Yoldash"/"Vremena" ["Yoldash"/"Times"]. January 26, 2007 (in Russian).
13. Kozubsky E.I. *Statisticheskiy obzor Dagestanskoy oblasti za 1903 g.* [Statistical Review of the Dagestan Region for 1903]. Temir Khan-Shura, 1903, 516 p. (in Russian).
14. Nazir ad-Durgeli. *Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh* [The Delight of Minds in the Biographies of Dagestani Scientists]. Moscow: Publishing house of Marjani, 2012, 213 p. (in Russian).
15. Orazhev G.M.-R. *Akhulgo*. 2008, no. 8, pp. 54–58 (in Russian).
16. Khanmurzaev I.I. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2012, no. 1 (11), pp. 104–107 (in Russian).
17. Khanmurzaev I.I. *Materialy II Mezhdunarodnoy tyurkologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the 2nd International Turkological Scientific and Practical Conference]. Makhachkala, 2008, pp. 219–224 (in Russian).
18. Khanmurzaev I.I. *Akhulgo*. 2010, no. 12, pp. 29–34 (in Russian).
19. Khanmurzaev I.I. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 4, pp. 20–27 (in Russian).
20. Khanmurzaev I.I. *Nauka i obrazovanie v Chechenskoy respublike: sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu so dnya osnovaniya KNII RAN* [Science and Education in the Chechen Republic: The State and Prospects of Development. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 10th Anniversary of the Foundation of the Research Institute of the Russian Academy of Sciences]. 2011, pp. 682–685 (in Russian).
21. Khashaev H.-M.O. *Obshchestvennyy stroy Dagestana v XIX veke* [The Social System of Dagestan in the 19th Century]. Moscow, 1961, 263 p. (in Russian).
22. *CGA RSO-A* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 12. Inventory 6. File 836. Fols. 10, 15–16 (in Russian).

Submitted for publication: February 9, 2021.

Accepted for publication: April 18, 2022.

Published: September 29, 2022.